

УДК 903.5+97(470)/1150

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ X–XI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ)¹

Н.Б. Крыласова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Пушкина, 44
n.krylasova@mail.ru

Памяти Ю.М. Лесмана

Приводятся основные результаты исследования хронологии Рождественского могильника в Пермском крае, позволившие наметить периодизацию древностей X–XI вв., которые обычно датируются в широком диапазоне, проанализировать особенности выделенных хронологических периодов, проследить тенденции развития материальной культуры в указанный отрезок времени.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, средневековье, Рождественский могильник, датировка погребальных комплексов, хронология, периодизация.

Рождественский языческий могильник в Карагайском районе Пермского края в различных публикациях датирован X–XI вв. на основании монетных дат и сходства отдельных категорий вещей. Изучение 207 погребений с комплексами позволяет определить более узкие даты с целью периодизации могильника и прослеживания тенденций развития материальной культуры в указанный период.

Актуальность такого исследования очевидна. Е.П. Казаков еще в начале 1990-х гг. отмечал слабую разработанность датировок древностей второй половины IX–X вв. [Казаков, 1992, с.273]. То же относится и к материалам более позднего времени.

Для обеспечения объективности при рассмотрении хронологии Рождественского могильника применен комплекс разных доступных методов.

Как отмечал Ю.М. Лесман, известный специалист в области методики изучения хронологии и один из ведущих разработчиков вещевой хронологии средневекового Новгорода, для создания относительной хронологии традиционно предполагается два взаимосвязанных пути: 1) классификация вещей и построение типологических рядов; 2) анализ взаимовстречаемости различных типов вещей в закрытых комплексах (в частности, в погребениях). Правда, такой анализ может привести к выявлению закономерностей, не связанных напрямую с хронологией (социальных, половозрастных и пр.) [Лесман, 1981, с.98], с чем мы столкнулись при проведении кластерного анализа. Абсолютная хронология строится на основе письменных источников, нумизматических материалов и данных, полученных естественными методами. В нашем случае единственным доступным источником являются монеты и подвеска с княжескими знаками (271), имеющая относительно точную датировку (конец княжения Владимира Святославовича). Определено 27 монет из 25 погребений, отчеканенных в период с 894/95 до 1009/17 г. Но монеты в лесной полосе Европейской части России широко применялись в качестве подвесок, и их невозможно использовать для точной датировки, так как трудно установить время до попадания в погребение. В.Я. Конецкий отмечает, что находки привесок-дирхемов в погребениях XII в. практически неизвестны [Конецкий, 1981, с.91] и комплексы с монетами следует датировать не позднее конца XI в.

Для комплексов однократного формирования дата определяется на основе пересечения интервалов бытования входящих в них вещей [Лесман, 1981, с.98; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с.96; Щукин, 1978, с.28–32]. Начальным звеном в исследовании хронологии является датировка отдельных типов вещей, выделенных при первичной классификации (основа Рождественского могильника [Белавин, Крыласова, 2007] в результате раскопок 2008–2012 гг. дополнена новыми типами). Датировка обычно сводится к подбору аналогов из "хорошо датированных" комплексов [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с.11]. Главным ориентиром в этом послужила вещевая хронология

средневекового Новгорода, созданная на основе дендрошкалы [Колчин, 1982; Лесман, 1982; 1984; 1988; 1990; 2012; Седова, 1981; Щанова, 1956].

Объективность этой хронологии доказана для Новгорода и Новгородской земли. В силу своей уникальности она применяется археологами и для датировки древностей Восточной Европы в целом, хотя допустимость ее распространения на столь обширную территорию порой сомнительна. В каждом конкретном случае необходима проверка адекватности новгородской даты путем сопоставления ее с данными иных археологических культур, особенно территориально близких к датируемому памятнику. На основе новгородской хронологии определены даты существования широко распространенных на Рождественском могильнике крестопрорезных грушевидных бубенчиков (62, 250; середины X–1134 г.), отдельных типов стеклянных бус, узкопластинчатых браслетов (31, 248; 1006–1268 гг.), узкопластинчатых неорнаментированных разомкнутых перстней (247; конец X в. – 1299 г.), однобусинных проволочных височных колец со стеклянной бусиной (182; рубеж X и XI – вторая половина XI в.), восьмеркообразных пряжек с «лилиевидным» завершением на рамке (34; первая четверть XI – последняя четверть XII в.), восьмеркообразных пряжек с прямоугольной рамкой, орнаментированной выпуклым завитком (271; X в. – первая четверть XI в.), пряжки с овальной, заостренной на конце рамкой, непосредственно переходящей в прямоугольное основание (272; 1006–1197 гг.), круторогой подвески-лунницы (273; XI–XII вв.), фибулы с шестиугольным сечением дуги и многогранными головками на концах (77; X – середина XII в.), спиральновитого перстня (37; первая четверть XI – середина XIII в.), шаровидного бубенчика с линейной прорезью из двух тисненых половинок (29; 1025 г. – начало XIV в.), шаровидного бубенчика, имеющего крестовидную прорезь с двойными насечками вдоль разреза (186; 1006–1025 гг.), цепочек из двойных колечек (30; 1006–1369 гг.) и пр. Не согласуются с новгородской хронологией мелкие шаровидные и гирьковидные привески, бытовавшие в Урало-Поволжье в X–XI вв., а в Новгороде появившиеся лишь после 1096 г. [Лесман, 1990, с.60], восьмеркообразные пряжки, распространенные от Алтая до Паннонии и от Верхней Камы до Северного Кавказа в IX–X вв. [Казаков, 1992, с.158], а в Новгороде известные начале XI в. (по Ю.М. Лесману – 1006–1340 гг.). Не вполне совпадает с новгородской шкалой хронология стальных калачевидных кресал [Крыласова, 2007]. Отдельные типы вещей датированы по аналогии с вещами, принадлежавшими к одновременно существовавшим финно-угорским культурам [Архипов, 1973; 1984; 1986; Генинг, 1962; Голубева, Кочкуркина, 1991; Захаров, 2004; Иванов А.Г., 1998; Иванов В.А., 1993; Карачаров, 1993; Кочкуркина, 1989; Мажитов, 1981; 1993; Никитина, 2002; Савельева, 1997; Сунгатов, 1993], включая датирование отдельных периодов, памятников и вещей из Пермского Предуралья [Абдулова, 2009; Белавин, Крыласова, 2012; Голдина, 1985; Голдина, Кананин, 1989; Крыласова, 2007], а также Волжской Болгарии [Казаков, 1991; 1992] и относящихся к салтово-маяцкой культуре [Плетнева, 1989].

На основании дат, полученных для всех комплексов погребального инвентаря, включавших более трех датируемых предметов, были составлены корреляционные таблицы, позволившие определить даты погребений, на базе которых намечена хронологическая периодизация могильника.

Как отмечал Ю.М. Лесман, периоды, определяемые интервалом времени между максимумом нижних и максимумом верхних дат, соответствуют периодам смены основного набора сопровождающего инвентаря. Они обычно взаимоперекрываются, что отражает процесс смены инвентаря и время сосуществования нового набора вещей и старого [Лесман, 1981, с.102–103].

Всего выделено 20 хронологических групп погребений, которые, в зависимости от наличия более или менее узко датируемых предметов получили либо сравнительно широкую дату в пределах одного-двух веков (X–XI, X, XI в., вторая половина X – первая половина XI в.), либо более узкую, охватывающую от одной до трех четвертей столетия.

Результаты эмпирического исследования были проверены методами математической статистики². Все типы вещей из погребений (более 400) были пронумерованы и внесены в таблицу, по которой в программном пакете SPSS осуществлена корреляция Пирсона, позволившая проследить взаимосвязи различных типов вещей, входивших в состав погребальных комплексов. Наиболее тесные взаимосвязи установлены между вещами из определенных хронологических групп, что подтверждает правомерность их выделения. Далее проводилась многомерная классификация методом кластерного анализа. Было выделено около 3 десятков кластеров, большинство которых объединили хронологически взаимосвязанные группы вещей. Некоторым хронологическим группам соответствовало по несколько кластеров, что объясняется половозрастными особенностями погре-

бенных, которым соответствовал определенный комплекс погребального инвентаря. Единственный кластер, включивший стандартный набор железных предметов, свойственный мужским погребениям с особенно «богатым» инвентарем и охватывающий все хронологические периоды существования могильника, имеет, очевидно, не хронологическое, а социальное значение. Дискриминантный анализ позволил оценить адекватность выделенных эмпирически хронологических групп погребений и отнести их к той или иной группе погребений с недостаточным числом датирующих предметов. Согласно анализу объективность эмпирического выделения хронологических групп в целом достигает 80,6%, а большинства групп – 100%. Расхождения выявлены в хронологически близких группах X – первой четверти XI в., второй половине X – первой половине XI в., второй половине X – первой четверти XI в., рубежа X–XI вв. По материалами эти группы тяготеют к группе второй половины X – первой четверти XI в. Представляется логичным объединить эти группы в пределах второй половины X – первой половины XI в.

К самой ранней хронологической группе, датируемой концом IX в., отнесено погребение №25 исходя из даты поясного набора с накладками (242–244), характерными для салтовских памятников конца VIII–IX в. и памятников, связанных с ними по времени, в том числе ломоватовских IX в. [Голдина, 1985, рис.16/119]. Все накладки имеют аналоги на Танкеевском могильнике в Татарстане [Казаков, 1992, с.168, рис. 60/13, 17, 23, 32], в том числе аналоги бляхе для соединения ремней уздечки, орнаментированной тройными выпуклостями на конце спиц-лучей (234) [Казаков, 1992, рис. 58/13], и находившимся в комплекте с ней накладкам в виде крупного полушария, соединенного с гроздью более мелких полушарий (235) [Казаков, 1992, рис. 60/117]. По мнению Е.П. Казакова, такие соединительные бляхи были распространены в IX в. в определенных этнических группах, занимавших территорию Башкирии и Закамской Татарии, и продолжали бытовать в X в. [Казаков, 1992, с.156]. Комплекс включает также фрагмент проволочного височного кольца (236), обломок украшения в зверином стиле (240), стеклянные бусины (238–239), фрагмент бронзовой пряжки с изображением медведя (245), датируемой IX – первой половиной XI в. С учетом возможности запаздывания вещей погребение может быть отнесено и к X в., так как большинство предметов бытовало позднее поясного набора.

Погребение №36 отнесено к рубежу X–XI вв. на основании датирования поясных накладок в виде круглых и фигурных серебряных пластин с отверстиями для штифтов (231), имеющих прямые аналогии на могильнике Мыдлань-Шай VIII–IX вв. [Генинг, 1962, с.60–62, табл.Х/2, 4]. Остальной материал принадлежит к более позднему времени. Для фибулы с оформлением в виде цилиндров, надетых на основу (229), аналогов не найдено, но в целом подковообразные фибулы круглого сечения в Новгороде и на остальной территории Руси бытовали в X–XI вв. [Седова, 1981, с.86]. Калачевидные кресала (233) как с язычком, так и без него по материалам могильников Пермского Предуралья датируются X – первой половиной XI в. [Крыласова, 2007; 2007а, рис.84]. Втульчатые топоры (227) известны на широкой, в основном лесной, территории европейской части России с середины I тыс. до X–XI вв. [Архинов, 1973, с.43]. Бусина (230), наконечник стрелы (232), фрагмент скобеля (228) бытовали в широком хронологическом диапазоне.

Немногочисленна и группа погребений первой половины X в., содержащая вещевой комплекс, существенно не отличающийся от материалов конца VIII–IX вв., отнесенных Р.Д.Голдиной к урьинской стадии ломоватовской культуры [Голдина, 1985, рис.16]: серьга с гроздьевидной привеской (155), шумящие биконьковые подвески с привесками в виде небольших гладких колокольчиков (160), прямая костыльковая подвеска с гроздьевидными концами (158), бронзовая подвеска-ложечка (157), ножны, покрытые медной пластиной с медными кольцами (161) [Голдина, 1985, с.131]. В комплекс входят монетовидные подвески в виде серебряного кружка, наложенного на медную основу с ушком, – традиция, характерная для более раннего периода (150). Поясной набор включает цельнолитую щитковую пряжку (152), квадратные накладки с прямоугольной прорезью и сердцевидные с округлой прорезью (151), миниатюрную накладку в виде стилизованной лилии (153), имеющую аналоги на Танкеевском могильнике, в материалах конца IX в. [Казаков, 1992, рис.60/21–23, 95/49–50], наконечник ремня с орнаментом в виде четырехлепестковых цветов (154). Пряжка, квадратные и сердцевидные накладки украшены полушарными выпуклостями. Поскольку такая орнаментация в более поздних материалах не встречается, можно считать ее характерной для материалов конца IX – начала X в.

Некоторые предметы из наследия IX в. сохранялись не только в X, но и в XI в. Например,

бронзовые бусы с воротничками у отверстий (8); флаконовидные пронизки с прорезным решетчатым туловом (12); подвески из пары умбонов, орнаментированных концентрическими кругами, с большой овальной петлей сверху и привесками-лапками (1-2) [Голдина, 1985, рис.16/129]. В комплекте с этими подвесками с начала X в. использовались шумящие подвески в виде одного большого окруженного зубцами умбона (3-4), относимые В.А. Обориным к характерным украшениям родановской культуры [Оборин, 1970, с.22-23]; до середины XI в. встречаются, чаще в обломках, колесовидные подвески (23), появившиеся в Пермском Предуралье еще в конце VII-VIII вв. [Голдина, 1985, рис.16/85], поздние формы шумящих биконьковых подвесок (19). В составе инвентаря погребений XI в. обнаружены биконьковая подвеска относительно редкого типа, без привесок (20), зафиксированная в IX в. [Мажитов, 1981, рис.50/17; Голдина, 1985, табл.XIV/17], и бронзовый амулет-гребешок (21). До конца X в. сохраняются граненые дрововые (49) и пластинчатые браслеты (204) с кружковым орнаментом [Голдина, 1985, с.132, табл.IV], изредка встречаются литые пронизки в виде трубочки без вздутий с валиками на концах (42) и пронизки с одним относительно крупным прорезным вздутием (43), характерные для предшествующего периода [Голдина, 1985, табл.XXIV/1-5; 43-44]. До второй половины X в. существуют топоры с вытянутым обушком и прямоугольной подушечкой (54) [Голдина, 1985, рис.16/142, с.131], типичные для урьинской стадии ломоватовской культуры, а втульчатые топоры-кельты (24, 227), появившиеся в IX в. [Голдина, рис.16/141, табл. XXVIII/1-2], присутствуют и в комплексах погребений первой половины XI в. В период функционирования могильника в погребениях относительно часто встречаются фрагменты кольчатых удил (15), во многих мужских захоронениях присутствуют железные скобели (14).

Ряд предметов с относительно широкой датировкой появляется в Пермском Предуралье в начале X в.: калачевидные кресала овально-подтреугольной формы без язычка или со слабо выраженным язычком (18); биметаллические кресала с рукоятями, оформленными в зверином стиле (17); серебряные маски-личины (16), встречающиеся в материалах могильников, относящихся ко времени до сер. XI в. В X-XI вв. массово представлены полые шаровидные привески из двух половинок (5), использовались относительно крупные каплевидные привески (6). В это же время становятся массовыми литые трубчатые пронизки с двумя-тремя вздутиями, плавно переходящими к трубочке (9-10), они единично встречаются уже в материалах IX в. [Голдина, 1985, табл. XXIV/48], в X в. преобладают, а со второй половины X-XI в. сосуществуют с новыми типами пронизок, приобретая со временем более изящные пропорции (11). В начале X в. распространяются поясные накладки, по форме напоминающие соединение из двух сердечек с маленькими выступами в виде полушарий в уголках. До конца X в. бытовали их неорнаментированные варианты разных размеров и пропорций (47), а варианты с тонким орнаментом из концентрических кружков и овалов, дополненных завитками (13), сохранялись до второй половины XI в. С первой половины X в. распространились квадратные накладки с сердцевидной прорезью в наборах с относительно крупными сердцевидными накладками. Для наиболее ранних из них характерен тонкий орнамент из волнот и завитков (46), оставшийся в "моде" до конца X в. Наряду со щитковыми в начале X в. широко бытовали пряжки переходного типа – от щитковых к восьмеркообразным, у которых между рамкой и приемником для ремня находилась орнаментированная площадка с отверстием для крепления язычка (44-45, 196-198). Эти пряжки, существовавшие до рубежа X и XI вв., очевидно, имели местное происхождение, так как за пределами территории Пермского края они встречаются единично. К числу датирующих предметов принадлежат бронзовые бусы-«флакончики» (22), характерные для многих финно-угорских культур, где обычно датируются X – началом XI в. [Кочуркина, 1989, с.265]. В составе ожерелий на протяжении X в. преобладали различные варианты стеклянных лимонovidных одно- и многочастных бус, зонные, преимущественно из желтого глухого стекла, зонные и шаровидные с орнаментом из концентрических кружков, хрустальные круглые и граненые битрапециодные бусы (41).

Погребения второй половины X – первой половины XI в., составляющие подавляющее большинство погребений могильника, содержат довольно стандартные вещевые комплексы, в которых, однако, благодаря получению более узких датировок отдельных погребений удалось выделить некоторые хронологические особенности.

Из массовых предметов к числу датирующих принадлежат грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью (62) и крупные полые шаровидные бусы (63), появившиеся не ранее середины X в. и служащие важным репером для отделения материалов более раннего периода. В погребениях

второй половины X в. встречены фрагменты серебряных подвесок-всадников (206), металлические копоушки (222–223), шумящая подвеска в виде половинки горизонтальной трубочки (220), пронизки-«самоварчики» (221), вариант литой серьги с гроздьевидной привеской (187), которые датируются более широко, по крайней мере, в пределах X в. Наряду с ажурными появляются флаконовидные пронизки с непрорезным туловом (76), среди трубчатых пронизок возникают разновидности со вздутиями, резко отделенными от трубочки (139), с трубочкой, покрытой в промежутках между вздутиями поясками (72, 74), пронизки сплошь покрытые поясками (73), и ранние варианты пронизок с парой прорезных вздутий (75). Гладкие пронизки-колокольчики нередко снабжаются петлями для шумящих привесок (140). Продолжают использоваться монетовидные подвески, наряду с которыми появляются более крупные подвески-медальоны с приклепанным медным ушком (200–201). Ближе к концу X в. медные ушки исчезают, на монетах, монетовидных и крупных круглых серебряных подвесках пробиваются по несколько отверстий для пришивания (133). Для по-прежнему прямых костыльковых подвесок характерно оформление концов в виде гладких шариков (134, 219), в таком виде они сохраняются до первой половины XI в. Распространяются подвески с коротким костыльком (135), имевшие аналогичное назначение – крепление наконечников к прическе и привесок к поясу. Во второй половине X в. – несколько раньше, чем предполагал В.А. Оборин (XI в.) [Оборин, 1970, с.14], – появляются однакорьковые подвески. Их ранние типы отличаются оттянутыми книзу приостренными концами якорьков, наличием одной петельки (217) или трех, расположенных в ряд (218). Позже возникли якорьковые подвески с тремя-пятью петлями, расположенными треугольником, с более короткими концами якорьков, завершающимися округлыми расширениями (136–138), и бытовали до конца XI в. Наряду с массовыми полыми шаровидными привесками распространяются цельнолитые биконические гирьковидные привески, также украшенные в нижней части тулова насечками (130), встречаются варианты шаровидных привесок с ребристым туловом (129). Все виды шумящих украшений рассматриваемого периода снабжены привесками в виде лапок водоплавающих птиц с петлей, расположенной в одной плоскости с «лапкой». Довольно популярными до конца XI в. остаются украшения, имеющие в основе цепочку, к которой прикреплены привески-«лапки» (57).

В составе ожерелий сохраняются стеклянные лимоновидные и зонные бусы, среди которых появляются варианты с продольными полосками, распространяются цветной бисер, бусины в виде вытянутой трубочки, различные варианты глазчатых и мозаичных бус, цилиндрические с волнистым орнаментом, рубчатые, биконические и прочие, среди хрустальных кроме шаровидных и битрапециодных граненых распространяются бусы в виде куба со срезанными углами и прочие варианты граненых бус, более широко встречаются сердоликовые шаровидные и зонные, характерными для этого времени являются призматические сердоликовые бусы (103).

Поясные наборы становятся разнообразнее, что объясняется, с одной стороны, большим количеством погребений, с другой – усилением культурного влияния Волжской Болгарии, родственных финно-угорских культур, развитием ремесленного центра на Рождественском городище, где происходил поиск новых форм украшений и вариантов декора на основе импортных образцов. Поясные бронзовые пряжки второй половины X в. разнообразны: с прямоугольным щитком, имеющим завершение в виде «ласточкиного хвоста» (188), со щитком в виде различных вариантов трилистника (109–111, 189–194), переходного типа от щитковых к восьмеркообразным с разными вариантами декоративного оформления (196–198), в том числе, с изображением медведя в «ритуальной позе» (196), единичные восьмеркообразные (108, 199). Отдельные типы этих пряжек сохранялись и в первой половине XI в. Из поясных накладок наиболее характерны неорнаментированные квадратные с сердцевидной прорезью и сердцевидные с округлой прорезью (106–107). Но в составе поясных наборов и оформлении женских поясных сумок среди гладких накладок нередко присутствует несколько орнаментированных. На квадратных накладках наиболее распространен орнамент из завитков, расположенных в виде буквы Ж (104), реже встречается более пышный вариант этого орнамента (105). Судя по анализу публикаций, этот орнамент характерен для Пермского Предуралья, за пределами которого такие накладки встречаются единично. Изредка Ж-образный орнамент украшал и сердцевидные накладки. В первой половине XI в. на квадратных и сердцевидных накладках используется орнамент в виде косой решетки (162–163), многочисленны квадратные накладки, орнаментированные завитками, расположенными в виде крыльев бабочки (164). Довольно широко представлены накладки, напоминающие по форме английский геральдический щит – с

небольшими выступами по углам вдоль прямой стороны и вытянутым сердцевидным выступом с противоположной стороны. Во второй половине X в. чаще встречаются их неорнаментированные варианты (210–211) и накладки с орнаментом в виде простого трилистника (207), а на рубеже X и XI вв. – в первой половине XI в. – накладки с бордюром, имитирующим зернь (113), и с овальным углублением в центре (112) в наборах с сердцевидными накладками аналогичного оформления. В основном для второй половины X в. характерны полуовальные накладки с прямоугольной или сердцевидной прорезью. Чаще они оформлялись бордюром с насечками, а в центре находились три точки, в виде треугольника (209), встречается и орнамент в виде простого трилистника (208), характерный для этого времени. В погребениях второй половины X в. зафиксированы накладки разных форм (квадратные, сердцевидные, полуовальные и пр.) с орнаментом из ромбов и стилизованных завитков с бутонами (213). Со второй половины X в. в составе поясных наборов встречаются накладки в виде полумесяца выступами в виде полушарий по бокам (64), разнообразные варианты прямоугольных накладок (65–67), выпуклые круглые накладки-пуговицы (70), накладки-обоймочки (66) и миниатюрные накладки-заклепки (68). На вторую половину X в. приходится мода на дополнение поясов привесками в виде наборных ремешков. Для их оформления разрабатываются новые виды небольших накладок и наконечников ремней. Широко использовались накладки в виде стилизованной звериной мордочки (214), декоративное оформление которых со временем усложнялось, достигнув наибольшей «пышного» вида на рубеже X–XI – в первой половине XI в. (125, 178). На могильнике встречены и щитовидные накладки с изображением аналогичной мордочки (124). Ближе к концу X в. распространяются накладки круглой и кольцевидной формы (117). Но самыми массовыми являлись сердцевидные накладки разных пропорций, обычно неорнаментированные или с бордюром, имитирующим зернь (122), реже с растительным орнаментом (127). Наконечники ремней для поясных привесок часто не орнаментированы (128). В конце X – первой половине XI в. распространяются наконечники с каплевидным орнаментом (118) и с пальметтами (119), варианты фигурных наконечников (126).

В мужских погребениях второй половины X – первой половине XI в. встречаются фрагменты поясных кошельков, оформленных по краю металлическими обоймочками (145), а в женских – фрагменты поясных сумок, для украшения которых использовались шумящие умбоновидные подвески или наборы накладок: квадратных, миниатюрных сердцевидных без орнамента, в сочетании с наконечниками ремней и своеобразными накладками в виде «банта» (121) в аналогичном оформлении.

Во второй половине X – первой половине XI в. меняется состав височных украшений, среди которых преобладают серебряные и золотые проволочные кольца овальной, овально-подтреугольной и грушевидной формы (101), появляются ранние варианты калачевидных подвесок – литые из бронзы с различной орнаментацией (102), которые к XI в. сменяются коваными серебряными и золотыми (55–56). Со второй половины X в. распространяются литые бронзовые пластинчатые браслеты, имитирующие серебряные ювелирные браслеты со сканью, зернью и стеклянными вставками в округлых расширениях на концах (132). Наряду с ними бытуют браслеты из толстой проволоки круглого или овального сечения (58–59). Появляются перстни, у которых на месте щитка помещается серебряное полушарие, оформленное сканью, зернью и вставками из цветных камней или стекла (61), и которые существовали на протяжении всего XI в.

С середины X в. распространяется новый тип проушных топоров (78), наряду с плоскими ромбовидными наконечниками стрел различных пропорций появляются бронебойные треугольного и ромбического сечения (80, 203). В инвентаре мужских погребений присутствуют мотыги (141), наконечники копий-рогатин (84), орудия в виде приостренного стержня квадратного сечения (81–82), зубильца (83). Чаще встречаются калачевидные кресала с язычком (147–148), сосуществующие с кресалами без язычка. В комплексах рассматриваемого периода часто фиксируются серебряные обкладки венчиков деревянных сосудов (144).

Небольшую группу составляют узко датированные предметы конца X – первой четверти XI в.: проволочные овальные височные кольца со стеклянной бусиной (182), крупный шаровидный бубенчик с крестовидной прорезью (186), пронизки-уточки с большим полуяйцевидным туловом и маленькой изящной головкой (185).

В конце X в. относится ряд новшеств, сохранявшихся весь XI в., а иногда и дольше. Появляются первые варианты узкопластинчатых браслетов (248), серебряные пластинчатые перстни (247);

костыльковые подвески приобретают дугообразную форму (249); грушевидные крестопрорезные бубенчики часто состоят из двух отдельно отлитых половинок (250); все чаще встречаются гирьковидные привески с шаровидным неорнаментированным туловом (251), которые к концу XI в. начинают преобладать наряду с гладкими шаровидными привесками. В составе поясных наборов появляются новые виды накладок и наконечников ремней. Среди них следует выделить выпуклые щитовидные накладки с растительным орнаментом, образующим фигуру, похожую на бабочку (257–258). Им сопутствовал стандартный набор накладок поясных привесок, включающий сердцевидные с изображением трилистника (261) и розетковидные накладки (260) и наконечники ремней, украшенные в центральной части рядами точек, а по бордюру – рубчиками или имитацией зерни (262). Этот набор в неизменном составе сохранялся в Пермском Предуралье до конца XIII в. Одновременно возникают иные формы накладок с более узкой датировкой, отличительной чертой которых является пышная орнаментация: сердцевидные (168–169, 171), щитовидные (167, 259), в виде квадрата с полукруглыми выемками с двух противоположных сторон (264–266), в виде прямоугольника с фигурными выступами, изображающими трилистники (263). В составе железных орудий, сопровождающих мужские погребения, появляются резцы-ложжари (270).

С начала XI в. на некоторое время возрождается мода на накладки с привесками в виде кольца (176–177), пояса снабжаются исключительно восьмеркообразными пряжками (32–34), имеющими многочисленные западные аналоги. С запада проникают отдельные экземпляры спиральновитых (37) и разомкнутых пластинчатых широкосрединных перстней (35–36, 38), бубенчики новых форм (28–29). К числу местных новшеств первой половины XI в. относятся «кльковидные» подвески (180), варианты височных украшений с полый грушевидной привеской и сложным скано-зерневым декором (26). Трубочатые пронизки становятся более массивными (254), популярны на протяжении всего XI в. пронизки с прорезными вздутиями (255), крупные шаровидные бусины нередко орнаментируются концентрическими кружками (253). В XI в. появляются овальные двулезвийные кресала (39), калачевидные кресала с прямоугольным язычком (40), встречено необычное калачевидное кресало, согнутое из толстой стальной полосы (181).

Особенно заметные изменения наблюдаются во второй половине XI в. В это время продолжают использоваться поясные наборы с накладками, схожими с более ранними, но штифты для крепления к ремню теперь не отливаются вместе с накладкой, а припаиваются отдельно. В одном из погребений встречен набор серебряных накладок с черневым орнаментом (85). При изготовлении основ шумящих украшений (89–90, 93–96), трубочатых и колоколовидных пронизок (86, 88) начинает использоваться новая технология: элементы из гладкой и штампованной проволоки вставляются в литейную форму и заливаются металлом. Шумящие украшения дополняются привесками в виде изогнутых «лапок» с петлей, перпендикулярной основе (90, 94–95), толстостенными литыми колокольчиками и бубенчиками с высокой шейкой, украшенной «поясками» (89, 96–97, 99). Привески крепятся на щитковых цепочках (98–99). Калачевидные височные украшения выделяются пышным скано-зерневым декором и позолотой (87). Для ожерелий характерными становятся рубчатые и «ягодovidные», кольцевидные, биконические, цилиндрические бусины с широким каналом, граненые бипирамидальные сердоликовые бусы (25). Встречаются синие бусы с орнаментом в виде белых ромбов, желтые и голубые с мозаичными «ресничатыми» глазками.

Таким образом, в ранний период существования могильника (конец IX – первая половина X в.) сохраняется вещевой комплекс, свойственный поздней стадии ломоватовской культуры. Во второй половине X – первой половине XI в. происходит бурное развитие материальной культуры, имеющее ряд культурно-экономических причин, но не выходящее за рамки прежних традиций. Значительные изменения, связанные со сменой направления культурных контактов, фиксируются во второй половине – конце XI в., когда начинает меняться не только внешний облик вещей, но и технология их изготовления.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ по проекту № 13-11-59007 «Проблема "прародины" угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья», и в рамках проекта 029а-Ф ПСР ПГГПУ «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние».

² Автор благодарит к.и.н. Д.В. Шмуратко за статистические расчеты. Объем публикации не позволяет продемонстрировать громоздкие таблицы, иллюстрирующие процесс статистической обработки материала.

Библиографический список

- Абдулова С.И.* Хронология бус могильников Верхнего Прикамья VIII–XIV вв. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. №23 (161).
- Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973.
- Архипов Г.А.* Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Йошкар-Ола, 1984. Вып.8.
- Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола, 1986.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь, 2012.
- Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // Вопр. археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып.3.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
- Голубева Л.А., Кочуркина С.И.* Белозерская весть (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998.
- Иванов В.А.* Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань, 1991.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников. М., 1975.
- Карачаров К.Г.* Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Конецкий В.Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника // Краткие сообщения Ин-та археологии. М., 1981. Вып. 166.
- Кочуркина С.И.* Памятники юго-восточного Приладжья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.
- Крыласова Н.Б.* Хронология кресал Пермского Предуралья // Изв. Челябинского научного центра УрО РАН. 2007. № 1.
- Крыласова Н.Б.* Археология повседневности. Пермь, 2007а.
- Лесман Ю.М.* К методике разработки хронологии древнерусских памятников Северо-Запада // Краткие сообщения Ин-та археологии. М., 1981. Вып. 166.
- Лесман Ю.М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археол. исследование Новгородской земли. Л., 1984.
- Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов): автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990.
- Лесман Ю.М.* Хронология корельских могильников: взгляд из Новгорода // Stratum plus. 2012. №5. С. 149-157.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.
- Мажитов Н.А.* Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002.
- Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопр археологии Урала. Свердловск, 1970. Вып. 9.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.,

1989.

Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Сунгатов Ф.А. К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1956. Вып. 55.

Щукин М.Б. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Л., 1978.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.03.2013

CHRONOLOGICAL SPECIFICITY OF MATERIAL CULTURE OF X-XI CENTURIES (BASED ON THE FINDINGS FROM THE ROZHDESTVENSKIY BURIAL GROUND IN PERM REGION)

N.B. Krylasova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm Branch of the Institute of History and Archaeology of Ural branch of Russian Academy of Sciences, Pushkina str., 44, 614990, Perm, Russia
n.krylasova@mail.ru

Dating plays a specific role in the analysis of archaeological objects. Medieval materials of X-XI centuries are usually dated within a wide time range. The period is known for rapid development of crafts and strengthening of economic and cultural relations, which is reflected in the development of material culture. The periodization of the Rozhdestvenskiy burial ground's findings shows the stages of the development and their characteristic features. The findings of the first half of the X century have no considerable differences from those ones of the IX century, yet some innovations could be traced. In the second half of the X – first half of the XI centuries the interactions with Volga Bulgaria and neighboring Finno-Ugric cultures and the development of local craft centers contributed to the variety of costume decoration and other objects of material culture. New stable types of objects and variants of ornamentation appeared. In the XI century western influence from Russia and Finnish cultures could be traced. New aesthetic preferences and techniques, which shaped the outlines of the material culture of the following period, were developed by the end of the XI century.

Key words: Perm Cis-Urals, the Middle Ages, Rozhdestvenskiy burial ground, chronology, periodization.

References

Abdulova S.I. Khronologiya bus mogil'nikov Verkhnego Prikam'ya VIII–XIV vv. // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. 2009. №23 (161).

Arkipov G.A. Mariytsy IX–XI vv. Yoshkar-Ola, 1973.

Arkipov G.A. Dubovskiy mogil'nik // Novye pamyatniki arkheologii Volgo-Kam'ya. AEMK. Yoshkar-Ola, 1984. Vyp.8.

Arkipov G.A. Mariytsy XII–XIII vv. Yoshkar-Ola, 1986.

Belavin A.M., Krylasova N.B. Drevnyaya Afkula: arkheologicheskiy kompleks u s. Rozhdestvensk. Perm', 2008.

Belavin A.M., Krylasova N.B. Ogurdinskiy mogil'nik. Perm', 2012.

Gening V.F. Mydlan'-Shay – udmurtskiy mogil'nik VIII–IX vv. // Drevneudmurtskiy mogil'nik Mydlan'-Shay // Vopr. arkheologii Urala. Sverdlovsk, 1962. Vyp.3.

Goldina R.D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e. Irkutsk, 1985.

Goldina R.D., Kananin V.A. Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev Kamy. Sverdlovsk, 1989.

Golubeva L.A., Kochkurkina S.I. Belozerskaya ves' (po materialam poseleniya Krutik IX–X vv.). Petrozavodsk, 1991.

Zakharov S.D. Drevnerusskiy gorod Beloozero. M., 2004.

Ivanov A.G. Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseyna r. Chepsy v epokhu srednevekov'ya (konets V – pervaya polovina XIII v.). Izhevsk, 1998.

Ivanov V.A. Khronologicheskie komplekсы X–XI vv. na Yuzhnom Urale i v Priural'e // Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala. Ufa, 1993.

Kazakov E.P. Bulgarskoe selo X–XIII vv. nizoviy Kamy. Kazan', 1991.

Kazakov E.P. Kul'tura ranney Volzhskoy Bolgarii. M., 1992.

Kamenetskiy I.S., Marshak B.I., Sher Ya.A. Analiz arkheologicheskikh istochnikov. M., 1975.

Karacharov K.G. Khronologiya rannesrednevekovykh mogil'nikov Surgutskogo Priob'ya // Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala. Ufa, 1993.

Kolchin B.A. Khronologiya novgorodskikh drevnostey // Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda. M.,

1982.

Konetskiy V.Ya. Khronologiya i etapy formirovaniya Fedovskogo mogil'nika // Kratkie soobshcheniya In-ta arkheologii. M., 1981. Vyp. 166.

Kochkurkina S.I. Pamyatniki yugo-vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya X–XIII vv. Petrozavodsk, 1989.

Krylasova N.B. Khronologiya kresal Permskogo Predural'ya // Izv. Chelyabinskogo nauchnogo tsentra UrO RAN. 2007. № 1.

Krylasova N.B. Arkheologiya povsednevnosti. Perm', 2007a.

Lesman Yu.M. K metodike razrabotki khronologii drevnerusskikh pamyatnikov Severo-Zapada // Kratkie soobshcheniya In-ta arkheologii. M., 1981. Vyp. 166.

Lesman Yu.M. Khronologicheskaya periodizatsiya kurganov Izhorskogo plato // Severnaya Rus' i ee sosedi v epokhu rannego srednevekov'ya. L., 1982.

Lesman Yu.M. Pogrebal'nye pamyatniki Novgorodskoy zemli i Novgorod (problema sinkhronizatsii) // Arkheol. issledovanie Novgorodskoy zemli. L., 1984.

Lesman Yu.M. Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Zapada Novgorodskoy zemli i Novgorod XI–XIV vv. (sinkhronizatsiya veshchevykh kompleksov): avtoref. ... kand. ist. nauk. L., 1988.

Lesman Yu.M. Khronologiya yuvelirnykh izdeliy Novgoroda (X–XIV vv.) // Materialy po arkheologii Novgoroda. M., 1990.

Lesman Yu.M. Khronologiya korel'skikh mogil'nikov: vzglyad iz Novgoroda // Stratum plus. 2012. №5. S. 149-157.

Mazhitov N.A. Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv. M., 1981.

Mazhitov N.A. Materialy k khronologii srednevekovykh drevnostey Yuzhnogo Urala (VII–XI vv.) // Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala. Ufa, 1993.

Nikitina T.B. Mariytsy v epokhu srednevekov'ya. Yoshkar-Ola, 2002.

Oborin V.A. Etnicheskie osobennosti srednevekovykh pamyatnikov Verkhnego Prikam'ya // Voprosy arkheologii Urala. Sverdlovsk, 1970. Vyp. 9.

Pletneva S.A. Na slavyano-khazarском pogranich'e. Dmitrievskiy arkheologicheskii kompleks. M., 1989.

Savel'eva E.A. Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. L., 1987.

Sedova M.V. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.). M., 1981.

Sungatov F.A. K voprosu o datirovke Varninskogo i Tol'enskogo mogil'nikov // Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala. Ufa, 1993.

Shchapova Yu.L. Steklyannye busy drevnego Novgoroda // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. M., 1956. Vyp. 55.

Shchukin M.B. Ob «uzkikh» i «shirokikh» datirovkakh // Problemy arkheologii. L., 1978.

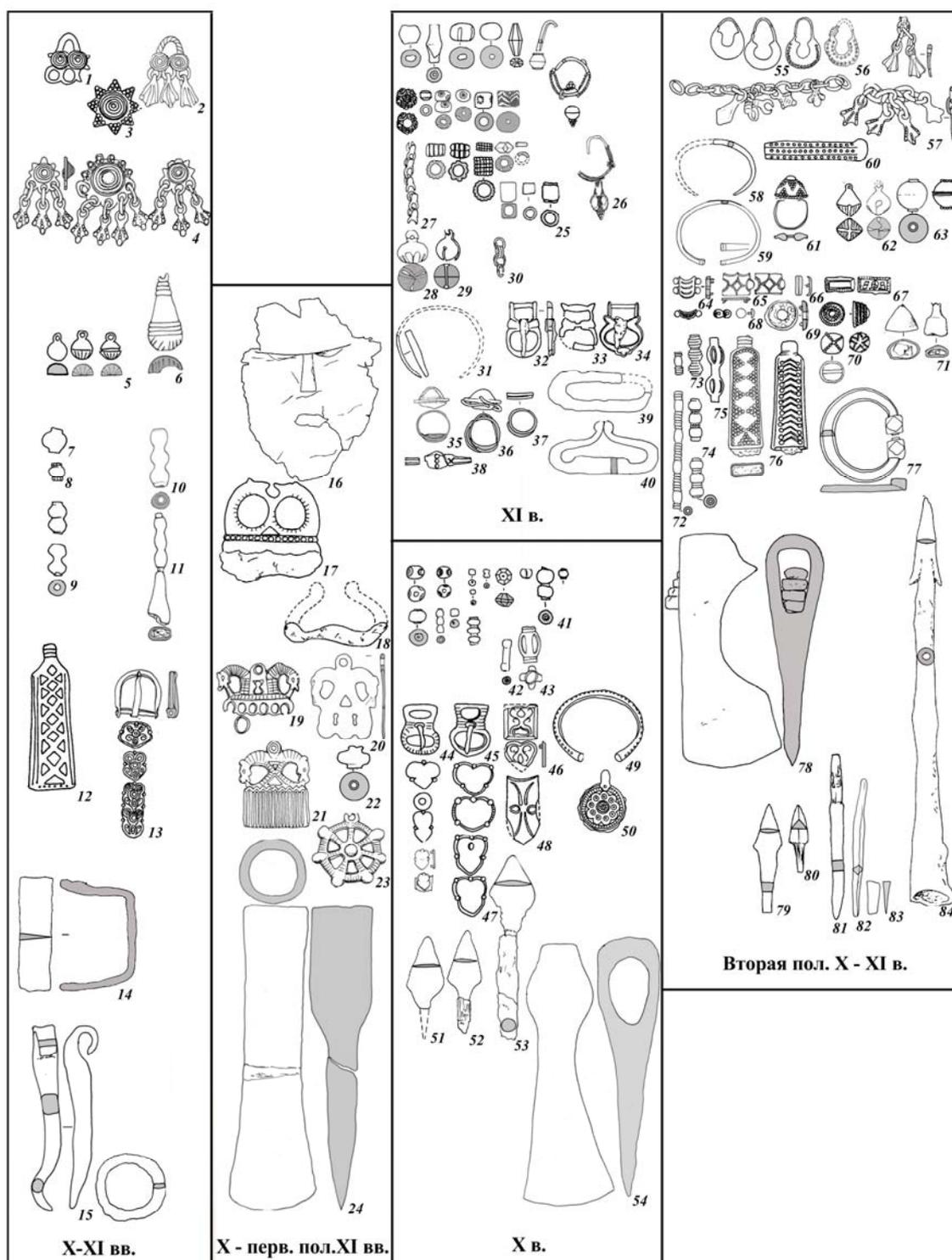

Рис. 1. Периодизация материалов Рождественского могильника

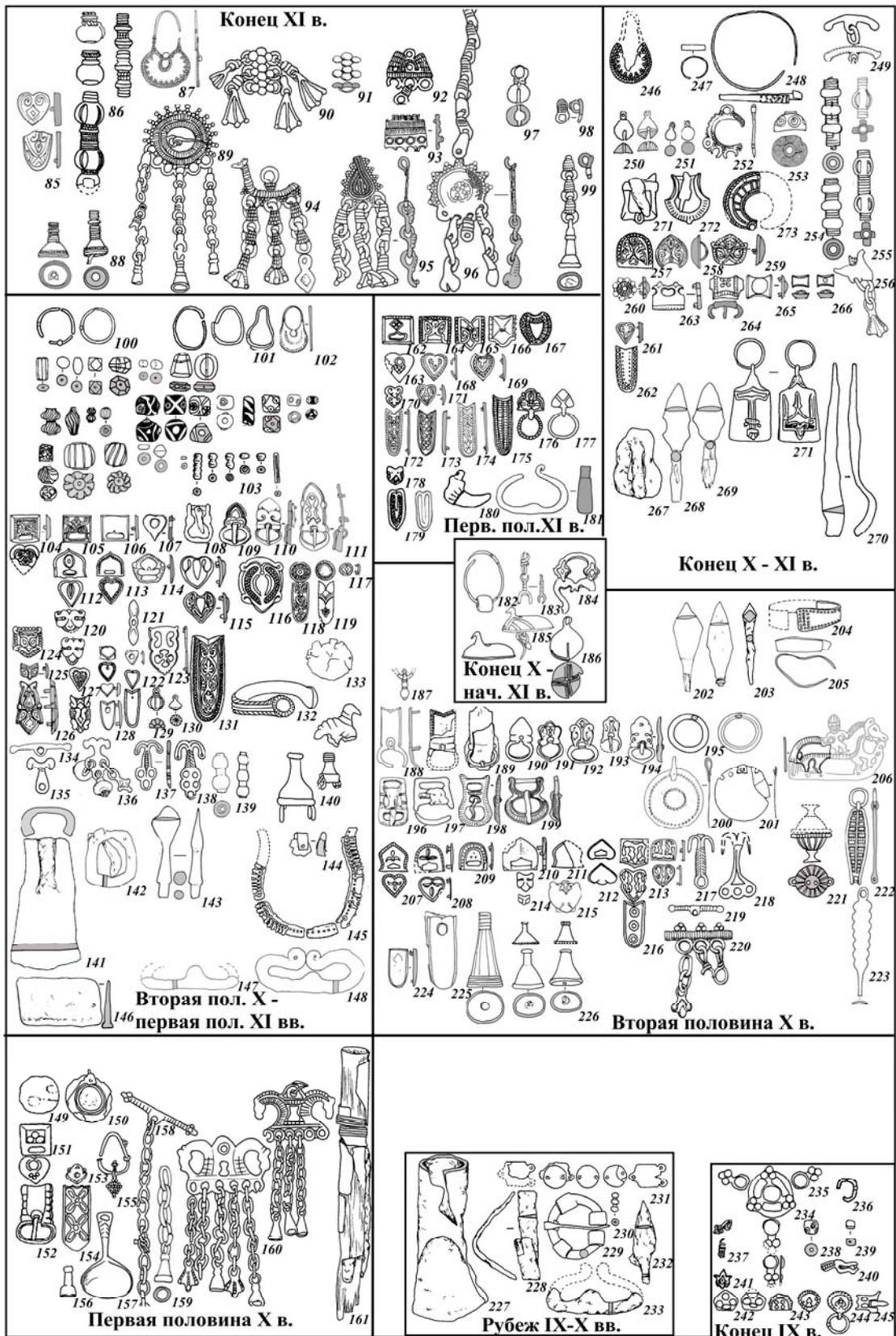

Рис. 1а. Периодизация материалов Рождественского могильника